

Л.С. Сироткина
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ, ЛОГИКИ И
ПСИХОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ЛОГИКО-ФИЛОСОФ-
СКОЙ МЫСЛИ КОНЦА 19 – НАЧАЛА 20 ВВ.
(ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

В статье освещаются идеи представителей отечественной философской мысли рубежа 19 – 20 вв. по вопросу отношений между философией и психологией, логикой и психологией как оснований психологистских интерпретаций логических учений. Выявляются особенности подходов к решению проблемы соотношения наук и выстраиваются модели этих связей.

The article reviews the ideas of Russian philosophers of late XIX – early XX centuries on the matter of relations between philosophy and psychology, as well as logic and psychology as foundations for psychological interpretations of logical studies. Peculiarities of approaches to solving the problem of relations between the sciences are revealed, models of such relations are built.

Ключевые слова: русская философия, развитие психологии в конце 19 – начале 20 в., связи философии и психологии, логики и психологии на рубеже веков.

Keywords: Russian philosophy, development of psychology from the end XIX to the beginning of XX, connection of philosophy and psychology, logic and psychology.

Является ли логика частью психологии или самостоятельной наукой? Основывается ли она на положениях и данных психологии или не зависит от них? Эти вопросы и множество вариантов ответов на них, предложенных отечественными учеными конца 19 – начала 20 в., отражают проблему, решение которой имело ключевое значение для развития логической науки – проблему психологистских/антипсихологистских оснований логики.

В западной науке, хорошо известной российским исследователям, многие из которых обучались в Европе, были

¹ Статья содержит результаты исследований по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 13-03-00564.

созданы модели отношений между логикой и психологией, интенсивное формирование которой началось в 19 веке. Были ли приняты нашими специалистами имеющиеся интерпретации или сформулированы собственные? Сформировалась ли на отечественной почве некая «генеральная линия» решения вопроса о связях логики и психологии? Решался ли вопрос о связях логики и психологии в русле представлений об отношениях последней с философией? Эти и другие вопросы получают некоторое освещение в статье, цель которой — охарактеризовать состояние проблемы соотношения психологии и философии, в частности логики, в российской философской мысли конца 19 — начала 20 в.

Развитие психологии в конце 19 — начале 20 в. и его своеобразии на российской почве

В 19 веке² закончился так называемый философский период в развитии психологического знания, длившийся с 7-8 вв. до н.э.: психология начала обретать самостоятельность и статус науки. Среди важнейших, глобальных по значению фактов ее истории этого периода следует назвать:

- преобразование методологической базы, заключающееся, в первую очередь, в пересмотре (душа практически полностью утратила статус объекта психологического исследования) и уточнении предмета, в качестве которого теперь выступали вполне поддающиеся объективному исследованию элементы психики, или психические явления³; кроме того, в вытеснении единственного применявшегося ранее метода самонаблюдения (интроспекции) экспериментальными методами;
- значительная по масштабам и темпам дифференциация объекта психологии, обозначившая себя на заре ее истории в выделении и интенсивном становлении

² В начале — по одним источникам (Г.Д. Марцинковская), во второй половине — по другим (М.Г. Ярошевский)

³ В российской науке конца 19 — начала 20 в. их обозначали термином «душевные явления».

целого ряда отраслей, первыми из которых стали экспериментальная, дифференциальная и детская;

- процессы институционализации науки, выразившиеся в создании специальных лабораторий и институтов по изучению психических явлений, формированию сообщества ученых-психологов, возникновении и развитию научных направлений и школ.

Все эти изменения, отражавшие исключительные темпы развития молодой науки, свидетельствовали об обретении ею независимости от ее «прародительницы» — философии. Событием, фиксирующим выход психологии из-под «опеки» философии, по мнению некоторых историков науки, является начало преподавания ее в конце 18 — начале 19 в. в университетах Европы (Марцинковская, 2001: 7).

Но можно ли утверждать, что в 19 веке состоялось полное отделение психологии от философии, предполагающее освобождение от ее идейного влияния, и психология обрела собственное «лицо»? Дадим хотя бы приблизительную оценку ее научного статуса в тот период, основываясь не на современных представлениях о тенденциях развития этой науки, а на свидетельствах современников, отражавших целостный ее образ, оформившийся в умах представителей научных кругов России.

Институционально психология сохраняла непосредственную «привязку» к философии. В частности, в университетах Германии и России — ведущих центрах развития психологии — ее преподавали преимущественно философы⁴. Любопытно, что даже гораздо позже, в 1913 г., когда в Германии разгорелись баталии по вопросу отделения психологии от философии через создание специальных психологических кафедр, сами же ученые-психологи воспротивились перспективе полной самостоятельности ввиду опасности потери аудитории. Некоторые значительные фигуры того времени признаются современной философией знаменитыми философами, а психологией — психологами, внесшими существенный вклад в ее становление (например, Д.С.

⁴ Имели место и обратные ситуации: в Германии начала 20 в. на должности профессоров философии назначались ученые, занимавшиеся преимущественно экспериментальной психологией.

Милль, В Вундт, А. Бэн). Аналогичная ситуация имела место и в российской науке. М.И. Владиславлев, М.М. Троицкий, Н.Я. Грот, А.И. Введенский, Н.О. Лосский, Н.А. Васильев и другие философы не только составляли цвет отечественной философии, но и обеспечили высокие стартовые позиции российской психологии. Вклад каждого из них измеряется не только отраженными в целом ряде значительных трудов оригинальными идеями, содействовавшими становлению отдельных отраслей психологического знания, но и организационными усилиями, поставившими «на ноги» психологическое образование в стране.

По оценкам историка психологии М.Г. Ярошевского (1997), благодаря М.И. Владиславлеву психология в Петербургском университете стала одной из ведущих дисциплин. В 1885 г. при Московском университете по инициативе М.М. Троицкого было создано возглавленное им Московское психологическое общество, руководство которым в 1887 г. перешло к Н.Я. Гроту. Организационно-просветительский вклад Н.Я. Грота в развитие психологии на российском научном пространстве не ограничивался участием в работе психологического общества: он читал открытые лекции, в течение 7 лет был редактором журнала «Вопросы философии и психологии». А.И. Введенский одной из своих основных научных целей считал формирование современной объективной, не зависимой от философии, психологии. Г.И. Челпанов создал в Москве первый в России Институт экспериментальной психологии и вырастил плеяду ученых, которые впоследствии встали у истоков советской психологической школы.

Значительное количество научных психологических работ, опубликованных русскими философами, не только содействовали обретению психологией самобытного существования в статусе науки, но обеспечивали развитие представлений о ее предмете, формирование ее «индивидуальности» на российской почве. Значительная часть таких носила общетеоретический характер, решала некоторые методологические проблемы психологии и не была обращена к

освещению конкретных вопросов психической жизни. Приведем список значительных психологических трудов российских университетских философов⁵.

<i>Персоналии</i>	<i>Год издания</i>	<i>Психологические труды</i>
М.И. Владиславлев	1881	Психология. Исследование основных явлений душевной жизни.
	1893	Учебник логики: с приложением «Краткий очерк основных душевных явлений».
М.М. Троицкий	1882	Наука о духе
	1885	Современное учение о задачах и методах психологии (Речь, произнесенная на первом публичном заседании Психологического общества; опубликована в издании: Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и в других странах. Книга III. М., 1988)
Н.Я. Грот	1880	Психология чувствований в ее истории и главных основах
	1890	Жизненные задачи психологии
	1895	Основания экспериментальной психологии
	1899	Значение чувства в познании и деятельности человека
А.И. Введенский	1892	О пределах и признаках одушевления

⁵ В целях нашего исследования мы представили труды только тех философов, которые занимались проблемами логики. Значительный вклад в развитие отечественной психологии внесли многие другие русские ученые, в частности, К.Д. Кавелин, А.А. Потебня, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Г.Г. Шпет и др.

	1908	Психология. Лекции.
	1914	Психология без всякой метафизики
Н.О. Лосский	1903	Основные учения в психологии с точки зрения волюнтаризма
Г.И. Челпанов	1909	Психология. Курс лекций.
	1912	Психология и школа
	1915	Введение в экспериментальную психологию

Таково было объективное положение дел, свидетельствующее о том, что на российском научном пространстве формировалась весьма благоприятная почва для процветания психологической науки, что подтвердилось спустя несколько десятилетий, когда на арену вышли грандиозные фигуры русских психологов: Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, др. — во многом определивших мировую психологическую мысль в XX веке. В рассматриваемый же период мощный импульс развитию психологии дали ученые, большинство из которых были яркими представителями отечественной философии.

Психология и философия

Это обстоятельство делает немаловажной оценку неинституционализированных форм взаимосвязей между психологией и философией, выявление отношений между ними на уровне методологии научного познания. Взаимосвязи эти не столь однозначны. В конце 19 — начале 20 вв. в научном пространстве России сосуществовали по крайней мере три различные модели отношений философии и психологии.

Одна из них точно охарактеризована В.Вундтом в связи с развернувшейся в Германии в 1913 г. полемикой по поводу институционализации отделения психологии от философии в рамках университетского образования: «... психология относится к философским дисциплинам и таковой она останется и после превращения ее в самостоятельную

науку, так как в конце концов в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения...» (Вундт, 1913). Эта позиция в России была представлена М.И. Владиславлевым, Л.М. Лопатиным.

Называя психологию одной «из важнейших философских дисциплин» (Владиславлев, 1881: V], М.И. Владиславлев описывает ее место в системе философии следующим образом (рис. 1).

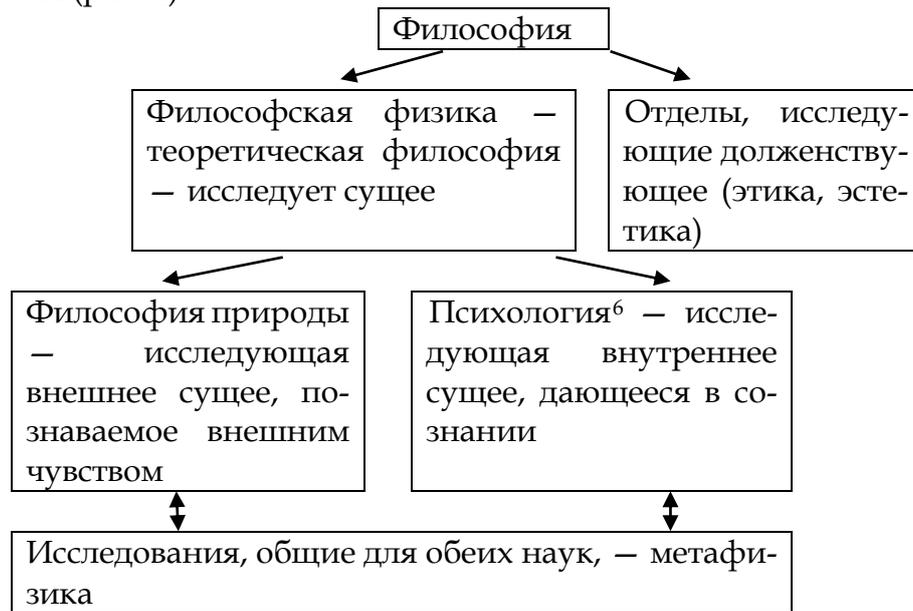

Рис. 1. Психология в системе философских наук по М.И.Владиславлеву

С некоторой осторожностью такую же связь утверждает и профессор Л.М. Лопатин: «Психология есть по преимуществу философская дисциплина» (Лопатин, 1903: 8). Позднее, в первой четверти 20 века, ту же интерпретацию мы находим у С.Л. Франка⁷, пытавшегося вернуть в психологию понятие души и считавшего философию единственно возможным основанием психологии.

⁶ В той же работе несколько ниже использует уточненное название «философская психология» (Введенский, 1917: 54).

⁷ С.Л. Франк. Душа человека. 1917.

Однако среди философов было немало тех, кто развивал идеи позитивной, в том числе экспериментальной психологии, признавая ее независимой от философии и не нуждающейся в ее методологической «поддержке» (А.И. Введенский, Н.Я. Грот, М.М. Троицкий, Н.А. Васильев). В речи на первом заседании Московского Психологического общества М.М. Троицкий подчеркивал, что оно создано с целью разработки психологической науки и «должно исключить из числа своих обсуждений вопросы спиритуализма, материализма и всякой другой метафизики души, — как вопросы научно-нерешимые... Метод... психологических работ должен быть не метафизический, а положительный, или строго-научный» (Троицкий, 1885: 119).

Н.А. Васильев ратовал за объективность психологии, по своим методам не отличающуюся от естественных наук (Бажанов, 2008: 70). Н.Я. Грот, анализируя состояние современной ему психологии, выражал убежденность в том, что она «может достигнуть идеала точности и строгой закономерности... — только как наука экспериментальная» и разрабатывал понятие «психической энергии» как методологический принцип подлинно научной психологии, который бы «неразрывно связывал ее с другими точными науками» (Грот, 1897: 239).

Завершенную литературную форму критика метафизики в психологии нашла в работе А.И. Введенского «Психология без всякой метафизики», который одну из своих основных задач видел в освобождении молодой науки от всякого влияния метафизических идей.

Существовал, однако, и третий взгляд на проблему отношений философии и психологии. Не включая психологию в круг философских наук, представители этого направления, тем не менее, были убеждены в их неразрывной методологической связи, представляя психологию совершенно невозможной без надежного философского основания. В наиболее заостренной форме такого рода позиция формулируется Г.И. Челпановым: «философские понятия при ис-

следовании душевных явлений неустраимы», они «являются необходимой основой психологии»⁸ (Челпанов, 1909: 12, 14).

Следует отметить, правда, что в представлении Челпанова связи двух наук гораздо сложнее, нежели отношения науки и ее методологии. Они определяются, в первую очередь, тем, о какой именно психологии идет речь. Психология неоднородна, по мнению ученого: она представлена, с одной стороны, частными психологическими исследованиями и, с другой, — общей — теоретической, философской — «психологией в собственном смысле», исследующей основные законы духа (Челпанов, 1909: 19). По весьма оригинальному выражению Челпанова, эта общая психология «делается философией» (становится — Л.С.) (Челпанов, 1909: 18). И именно она, в свою очередь, является основанием философии.

Значительное разнообразие способов интерпретации связей между психологией и философией увеличивается за счет вариативности представлений о влиянии психологии на последнюю. Старшее поколение российских философов было склонно оценивать как значительную роль психологии в философском познании действительности. Подчеркивая, что психология есть философская наука, зависящая от метафизических построений, Владиславлев М.И. отмечал, что, в свою очередь, «психологическое самонаблюдение дает... материал для метафизических выводов, анализа и синтеза и обуславливает понимание самих метафизических понятий... Психология, ... как вообще наука о душевных явлениях и их субъектах, занимает центральное положение, обуславливает саму Метафизику, и целую систему Философии» (Владиславлев, 1881: 54). Подчеркивая роль психологии в системе научного, в т.ч. философского знания⁹, М.М. Троицкий писал: «В прежнее время опорой этих наук (ло-

⁸ Нужно признать, правда, что адекватным современным смыслом используемого им термина «философия» в контексте анализа соотношения с психологией является «методология психологии».

⁹ Троицкий «начала психологии» относит к сфере научной теоретической философии — фактически, здесь речь идет о методологии психологии.

гики, эстетики, философии права, морали — Л.С.) была метафизика. В настоящее же время, когда метафизика потеряла свое значение фундамента философии, а сделалась одним из последних ее слов, не претендующих на научную достоверность, единственная наука, способная занять ее место, есть психология» (Троицкий, 1884: 143). «Первенствующее и руководящее» положение отводил психологии Н.Я. Грот. Статус «центральной науки» обуславливался, с его точки зрения, связью всех областей научного знания с предметом психологии: науки создаются душевными явлениями, и «в познании этих душевных процессов должны черпать дальнейшие силы для своего правильного и систематического развития». Оценивая «колебания в науке о познании и мышлении» (логике, гносеологии, методологии науки), причину его Грот усматривал в «шаткости психологии», неустойчивости ее теорий, недостаточной достоверности ее учений (Грот, 1890: 143 — 144).

В более поздний период в многообразии интерпретаций «растворяется» общая установка на признание влияния психологии на философию. Представления о зависимости философии от психологии сохранились у Г.И. Челпанова и Л.М. Лопатина. Подчеркивая двусторонний характер отношений двух наук, Челпанов отмечал, что «связь философии с психологией является необходимой еще и в том отношении, что психология должна являться основой философии, именно она должна способствовать построению науки о духе», поскольку обеспечивает выявление основных его свойств (Челпанов, 1909: 14 — 15). Двусторонним считал влияние этих наук и Лопатин, подчеркивая, что всякая теория познания вырастает на психологическом фундаменте (Лопатин, 1903).

Значительно ослаблял зависимость философских наук от психологии А.И. Введенский. Выстраивая здание психологии, освобожденной от каких бы то ни было метафизических оснований, он утверждал, что и такая психология имеет значение для философии «через свою связь с различными... философскими дисциплинами: например, теория познания и этика часто обращаются за справками к психологии» (Введенский, 1917б: 12).

Зависимости философии от психологии не исследовали С.И. Поварнин и И.И. Ягодинский, однако, на основании некоторых текстовых свидетельств можно полагать, что они ее и не усматривали¹⁰. То же можно утверждать и в отношении позиции Н.А. Васильева, который отстаивал статус психологии как частной науки, по методам сходной с естественными.

Обобщая представленные в русской философской среде варианты интерпретации отношений между психологией и философией, покажем основные связи между ними (рис. 2).

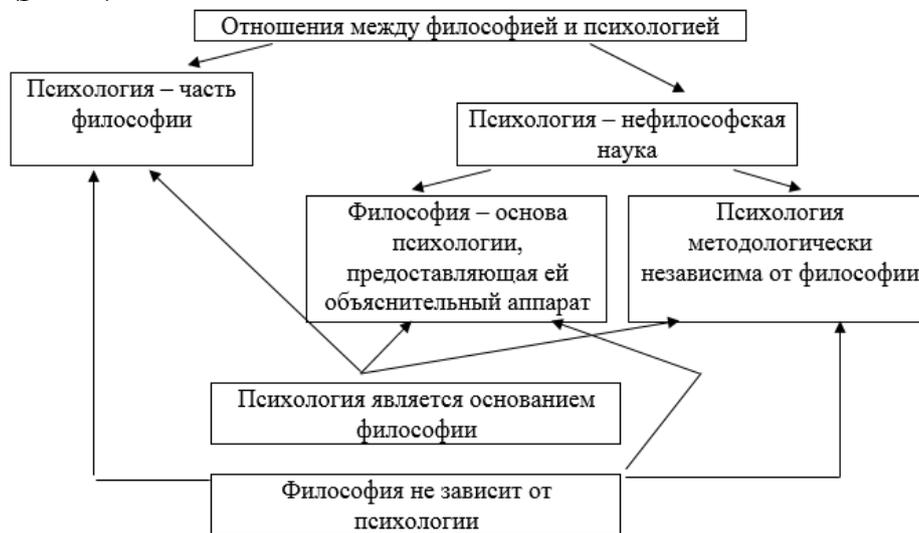

Рис. 2. Отношения философии и психологии

Многообразие мнений, отсутствие какого бы то ни было единства подходов к решению проблемы соотношения психологии и философии свидетельствовало не только о различиях авторских концепций, но – вероятно, в первую очередь, – о состоянии психологической науки, не обретшей к тому времени четких контуров собственного предмета.

¹⁰ В частности, Ягодинский, представляя предметы логики, психологии и гносеологии, обозначает их принципиальную несовместимость (Ягодинский, 1909: 23 – 24).

Все эти факты — свидетельство достаточно прочной связи, в которой находились философия и психология рубежа веков и в рамках которой происходило и стало возможным обретение психологической наукой собственного бытия в российском научном и образовательном пространстве, а также становление и осмысление самобытности отечественной психологии.

Психологические исследования российских философов имели, преимущественно, методологический характер, были направлены, среди прочего, на осмысление места психологии в системе научного знания и служили, своего рода, выражением самосознанием молодой науки. Конец 19 — начало 20 века — время интенсивного развития психологических исследований в рамках экспериментальной, дифференциальной, а позднее и детской психологии. Одним из «явлений душевной жизни», составляющих область психологических исследований, естественно, являлся (хотя и в меньшей степени, чем восприятие и внимание) процесс мышления, которое, в свою очередь, составляло объект логических изысканий. Демаркация предметов логики и психологии мышления должна была стать необходимым условием возможности дальнейшего плодотворного развития обеих наук. Одновременная репрезентация в индивидуальных ментальных структурах многих российских ученых-преподавателей (Троицкого, Владиславлева, Грота, Введенского, Лосского, Поварнина и др.) знаний и логических, и психологических не могла не служить существенным мотивирующим источником соотнесения предметов, задач, роли, методов соответствующих областей знания.

Психология и логика

Проблема отношений логики и формирующейся психологии активно обсуждалась представителями европейской науки. В частности, Дж.Ст. Милль, идеями которого, среди прочих, «питалась» российская мысль, писал: «Логика — не обособленная от психологии и соподчиненная ей наука. Поскольку она вообще наука, она есть часть или ветвь психоло-

гии, отличаясь от нее как часть от целого и, с другой стороны, как искусство от науки» (Милль, 1869: 56). Формируя собственную научную позицию на фоне «борьбы» психологических и антипсихологических установок европейской науки и находясь «в постоянном своеобразном диалоге» с ней (Бажанов, 1995: 7), тем более, претендуя на построение авторской концепции логики или психологии, нельзя было не определить и собственный вектор решения проблемы связей между этими областями знания.

Не удивительно поэтому, что не менее интенсивно, чем отношения философии и психологии, обсуждались и связи психологии и логики. В той или иной степени эта проблема представлена не только в научных работах, но и в значительной части учебных материалов (учебников, курсах лекций) по логике и психологии. Как отмечал Н.О. Лосский, «...устранение психологизма из логики и гносеологии есть наиболее увлекательная очередная задача философии» (Лосский, 1912: 4).

Несмотря на неоднозначную ситуацию в сфере установления границ предметов логики и психологии, вопрос об их соотношении неоднократно поднимался российскими учеными, предлагавшими более или менее обоснованные варианты его решения. Рассуждения о связях этих наук обнаруживаются в трудах по психологии и логике Н.Я. Грота, М.М. Троицкого, Б.Н. Чичерина, Л.М. Лопатина, А.И. Введенского, Н.О. Лосского, И.И. Ягодинского, С.И. Поварнина.

Рассматривая вопрос о месте психологии в ряду философских дисциплин, *М.И. Владиславлев* не обсуждает проблему ее отношений с логикой, несмотря на то, что в содержании его логики со всей очевидностью просматриваются связи с психологией. В определенном смысле можно говорить о том, что Владиславлев включает логику и психологию в общую систему знаний о процессе познания.

Содержательные связи обнаруживаются уже на уровне определений двух наук: психология — наука о душевных явлениях, к которым относятся явления, возникающие в процессе мышления; логика — наука о приемах — «манере, способе» — мышления, под которым подразумевается творческая душевная деятельность, в функции которой

входит сравнение, установление связей и зависимостей между объектами (Владиславлев, 1872: 1 – 6).

В дальнейшем они просматриваются в цели и способе построения логики. Владиславлев стремится выстроить «здание» логики таким образом, чтобы она могла служить «действительным органом человеческого мышления и развивающегося из него знания». Не случайным, в этой связи, оказывается включение в «Логикку» в качестве пропедевтики раздела о «начальных фактах душевной жизни¹¹, предваряющих развитие логического мышления и делающих его возможным» (Владиславлев, 1872: 11), стремление «слить» дедуктивную логику с индуктивной для достижения полноты «логики человеческого мышления» (Владиславлев, 1872: 251), а также уделяемое автором значительное внимание понятию как более или менее исчерпывающей мысли о предмете, а также реальному процессу познания при характеристике индукции (Кобзарь, 2002: 266). Несмотря на то, что специально проблема взаимосвязей логики и психологии М.И. Владиславлевым не обсуждалась, есть основания полагать, что для него эта связь была очевидна.

Сходные методологические идеи определили образ логики, отраженный в работах М.М. Троицкого: «Наше положение... будет... приблизительно тем самым, которое дано в трудах по дедуктивно-индуктивной логике, или логике в одно и то же время формальной и реальной» (Троицкий, 1884: 5). В результате, находясь под заметным влиянием Милля (Троицкий, 1885: 26), Троицкий формулирует сущность логики «как науки о науке, — именно о началах очевидности, и о научных способах или методах ее достижения». Своеобразие понимания задач¹² и предмета логики, обуславливает интерпретацию ученым ее связей с психологией.

Об отношениях двух наук можно судить не только по некоторым косвенным текстовым свидетельствам, но и на основе прямых высказываний автора. С одной стороны, бу-

¹¹ Ощущениях, представлениях и их комбинациях в воображении.

¹² По мнению М.М. Троицкого, логика призвана разработать правила для оценки суждений и умозаключений.

дучи «философской наукой практического характера» (Троицкий, 1885: 11), логика зависит от некоторых теоретических наук, в первую очередь, от психологии: «Психология, исследующая самым широким образом всякую коррелятивность, есть наука, которая должна служить скрытым основанием всему логическому учению» (Троицкий, 1884: 12). Психология, по мнению Троицкого, не только представляет собой методологическую базу логики, но последняя имеет, фактически, один с ней объект: «С психологией логика связана так тесно, что мы должны рассматривать ее как продолжение психологии, как развитие тех же самых психологических учений или как приложение психологического учения к решению некоторых вопросов относительно наших суждений и умозаключений» (Троицкий, 1884: 11). С другой стороны, логика — это «орган наук» (Троицкий, 1884: 10), поскольку освещает начала специальных, в том числе психологических, исследований.

Если обратиться к классификации наук, построенной М.М. Троицким (Троицкий, 1885: с. 47), то описанная выше двусторонняя связь логики и психологии оказывается не столь очевидной, будучи опосредованной отношениями с философией:

- Логика в этой системе оказывается введением в философию, будучи, в то же время, «философской наукой практического характера» (Троицкий, 1884: 11).
- Логика как учение об очевидности, в качестве одной из сторон своего предмета имеет начала наук, в том числе психологии¹³ (Троицкий, 1885: 64).
- Начала психологии включаются в сферу теоретической научной (или положительной) философии, а именно в ту ее часть, которая занимается изучением духа («философию наук нравственных») (Троицкий, 1885: 47).

Вероятно, причина явной теоретической «неувязки» заключается в определенной невнимательности Троицкого

¹³ Самостоятельный раздел учебника логики Троицкого (книга III) носит название «Логика психологии» и посвящен анализу «начал» психологии в историческом контексте.

к принципу однозначности употребления имен: если в первом случае логика, очевидно, рассматривается как наука, имеющая в качестве предмета «приемы, или методы, делающие очевидной истинность суждений» (первый из аспектов предмета логики в авторской интерпретации), то во втором — область знания, исследующая, кроме этих методов, и «последние основания или начала, на которых, в конце, опирается способность этих приемов или методов доводить истину предложений до очевидности»¹⁴ (Троицкий, 1885: 64).

Если у Троицкого логика и психология оказались в различных частях системы наук (одна — во введении к философии, другая — в составе философии и в «школьном», и в академическом — университетском вариантах), то у Н.Я. Грота такое деление отсутствовало. Логика и психология, в его понимании, были включены в науку о психической деятельности и призваны исследовать с разных сторон один и тот же объект — сознание, или, более точно, процессы познания. Функции двух наук, в соответствии с различиями их предметов, однозначно разделялись: в то время как психология ориентировалась — в соответствии с установившейся в ней, по мнению Н.Я. Грота, традицией — на статические элементы сознания, или психические явления, логика — на динамические, или процессы мышления (Грот, 1882: 32). Кажущаяся вытекающей из равенства в системе знания статусов «анатомии сознания» и «физиологии сознания»¹⁵ их самостоятельность оказалась в концепции Грота свойством только психологии: логика заняла подчиненное положение, «нуждаясь» в психологии в качестве общенаучного базиса: «наука о познании (логика — Л.С.)... опирается на другие частные науки (например, психологию)» (Грот, 1882: 30). Смысл этой связи заключается в том, что для исследования «развития статических элементов сознания», которым призвана, по Гроту, заниматься логика, необходимо понимание структуры и функционирования психической деятельности

¹⁴ Начала, вероятно, Троицкий, вслед за позитивистами Франции, Англии, Германии, понимает как определения (вместе с понятиями и терминами), аксиомы и законы природы (Троицкий, 1885: 45).

¹⁵ Так Н.Я. Грот называет, соответственно, психологию и логику (Грот, 1882: 33).

в целом. Такого рода информацию предоставляет психология. Возможность построения теоретической логики основывается на опытном изучении, во-первых, соответствующих психических явлений и, во-вторых, их результатов и способов выражения.

В соответствии с авторским взглядом на предмет логики формулируется и понимание специфики методов этой науки. Будучи неудовлетворенным возможностями применения метафизических методов в науке о познавательной деятельности, Грот — вслед за В. Вундтом и А. Бэнном — поддерживает использование опытного метода, в первую очередь, в его психологической интерпретации, позволяющей, по его мнению, исследовать развитие («внутреннее течение») процессов познания: «для понимания... основ, на которые она (познавательная деятельность — Л.С.) опирается, необходимо психологическое исследование всех познавательных отправлений человека» (Грот, 1882: 40). Авторское понимание связей логики и психологии приводит к идее прямой выводимости по крайней мере некоторых положений логики из психологии¹⁶, являясь ярким свидетельством выраженной психологистской интерпретации его проекта реформы логики.

Выраженную, хотя и противоречивую, форму зависимость логики от психологии обретает у *Б.Н. Чичерина*, логическая теория которого в определенной степени повторяет некоторые существенные черты концепций *А.И. Владиславлева* и *Н.Я. Грота*. Как и Грот и Владиславлев, Чичерин значительно расширяет — по сравнению с традиционным — содержание логики, которое, в его интерпретации, обнаруживает черты психологии познавательной деятельности: к логическим формам оказываются отнесенными впечатление, представление, понятие (в т.ч. суждение и умозаключение как сочетания понятий), а в содержание логической теории включается учение о способностях, в т.ч. творчестве (Чичерин, 1894: 19).

Основанием такой трансформации является понимание логики как науки о мышлении, выходящей далеко за

¹⁶ «по связи логики с психологией, можно предположить в ней необходимость дедукций из общих психологических теорий» (Грот, 1882: 43).

пределы изучения познания истины, поскольку «логические формы и законы относятся не к одному познанию: ими определяются и практическая деятельность, и сами создания воображения» (Чичерин, 1894).

Неоднозначность интерпретации сущности логики у Чичерина находит выражение в двойственности ее связей с психологией:

- с одной стороны, опытная логика — «исследование явлений мысли в душе человеческой» — «составляет часть психологии в обширном смысле, то есть науки о разных способностях и деятельности человеческой души»;
- с другой стороны, «отвлеченная логика»¹⁷, исходящая из собственных, устанавливаемых разумом, безусловных начал и законов, является самостоятельной наукой, не только не зависимой от психологии, основанной на наблюдении, но дающей «руководство для самого наблюдения» и возможность психологии «достигнуть каких-либо достоверных результатов» (Чичерин, 1894: 19).

Однако независимо от «типа» логики, в теории Чичерина со всей ясностью просматриваются психологистски интерпретированные основания этой науки. Понятием основным для логики является понятие разума как деятельной силы. Логические законы есть законы разума, и для того чтобы открыть их — т.е. для логических исследований — необходимо «только взглянуть ясным и непредубеждённым взором на то, что мы делаем, не внося сюда посторонних соображений и не сбиваясь с толку теориями, которые сами должны найти своё оправдание в логике». Логическая теория, фактически, позволяет лишь осмыслить и явно сформулировать те основания необходимости, которыми определяется всякое действие разума (Чичерин, 1894: 16). Психологистские тенденции явно выражены и в содержании науки, которое, помимо традиционных логических форм, представлено теми процессами (ощущениями — «впечатлениями» у Чичерина, представлениями, воображением, творчеством), на основании которых, по его мнению, логические

¹⁷ Понятие не комментируется в работе Чичерина.

формы образуются¹⁸. Обосновывая необходимость отнесения и теории способностей к логике, а не психологии, Чичерин отмечает, что «исследуя формы, логика должна указать их происхождение» (Чичерин, 1894: 20).

В работах конца 19 века просматриваются некоторые общие черты, характеризующие проблематику отношений логики и психологии. К ним относятся следующие:

1. Представление об общем объекте логических и психологических исследований: в той или иной интерпретации оно характерно для М.И. Владиславлева (психология исследует душевные явления, связанные с процессом мышления, логика — приемы мышления), М.М. Троицкого (логика — «продолжение психологии»), Н.Я. Грота (процесс познания), Б.Н. Чичерина (мышление).
2. Представление о предмете логики значительно расширено — по сравнению с традиционным его пониманием — за счет тех объектов и явлений, которые относятся к характеристике познавательной деятельности: Владиславлев в содержание логики включает начальные факты душевной жизни, делающие возможным развитие логического мышления; Грот рассматривает ступени развития умственных процессов, бессознательные, сознательные и произвольные умственные процессы; Чичерин — впечатления, представления, воображение, творчество, способности.
3. По разному понимаются, но всеми авторами признаются теснейшие связи — и, более точно, зависимости — логики и психологии: по Владиславлеву, психология занимает центральное место, предоставляет данные и служит основой, среди прочих философских наук, логики; Троицкий рассматривает психологию как основание логики, а логику считает продолжением психологии; по Гроту, логика основывается на психологии в связи с тем, что анализ познавательной деятельности возможен только на основе данных о

¹⁸ В частности, понятие есть сочетание представлений, а суждение и умозаключение — сочетание понятий.

психической деятельности в целом и с использованием психологических методов; Чичерин опытную логику определяет как часть психологии.

С определенной долей условности можно говорить о том, что в конце 19 века заканчивается период, когда отечественные ученые, определяя научный статус логики и психологии, устанавливали иерархические связи между этими науками, в структуре которых подчиненное положение занимала логика.

Уже в работах начала 20 века обнаруживается четкая тенденция однозначного разграничения двух самостоятельных наук при сохранении не содержательных, а методологических связей и психологической интерпретации оснований логики.

Психологистский подход к логике обнаруживается у Л.М. Лопатина, для которого связи психологии с другими философскими дисциплинами выражаются двумя положениями:

- во-первых, все философские науки находятся в зависимости от данных психологии,
- во-вторых, все они, включая психологию, являются самостоятельными науками, не составляют ее частей, имея специфические предметы исследования даже в том случае, если изучают один и тот же объект (каковыми, например, для гносеологии и психологии являются природа и законы человеческого мышления) (Лопатин, 1903: 10).

Связь психологии и логики вполне «укладывается» в этот методологический «каркас»: психологические исследования предоставляют информацию о «процессах мысли», а логика, в свою очередь, устанавливает для этих процессов «истинные нормы» (Лопатин, 1903: 9).

Значительно сужается предмет логики у Г.И. Челпанова, определяющего ее как «науку о законах правильного мышления», позволяющего достичь истины (Челпанов, 1994: 3). Мышление — психический процесс, исследуемый

также и психологией, в связи с чем выяснение предмета логики может быть осуществлено наилучшим образом через отграничение его от предмета психологической науки. По утверждению Челпанова, логика и психология отражают две точки зрения на мышление: первая исследует его в нормативном плане, а вторая — как естественный процесс.

Логика

Нормативная наука:

«рассматривает условия, при которых мысль может быть истинной, достоверной», «указывает нормы, которым мышление должно подчиняться».

Психология

Описательная наука:

«описывает и объясняет, как совершаются в действительности умственные процессы» (Челпанов, 1994).

Челпанов Г.И. не рассматривал проблему отношений логики и психологии, очевидно, в связи с тем, что не усматривал зависимостей между ними, т.к. из всех философских наук связи с психологией подробно характеризовал только для метафизики и гносеологии.

Практически совпадает с таким разграничением предметов логики и психологии понимание их особенностей А.И. Введенским. «Логика и психология мышления образуют две разных науки, потому что они изучают мышление с разных точек зрения... психология оставляет в стороне все вопросы о правильности и ошибочности мышления, а вместо того рассматривает, из каких неразложимых дальше и несводимых друг на друга элементов душевной жизни складываются переживания явлений мышления,.. как эти переживания зависят от памяти, воображения, чувств и воли, и как, в свою очередь, влияют на них, и т.п., а логика имеет в виду только правильность и ошибочность мышления... При таком ограничении своих задач логика, конечно, вовсе не обязана объяснять, что такое мышление, какова его природа, и каковы его отличия от деятельности памяти и воображения. Это — задачи психологии, а не логики» (Введенский, 1915: 3).

И Лосский, и Поварнин, и Ягодинский рассматривают логику как часть науки о знании/познании, подчеркивая, что определить ее предмет — значит выделить в знании ту область, которая изучается только логикой, а не иными науками с тем же исследовательским объектом. В связи с этим философы стремятся отграничить предмет логики от гносеологии, психологии знания/познания, истории знания.

Основанием демаркации логики и психологии у *Н.О. Лосского* является гносеологическая теория различий субъективной и объективной сторон знания, между которыми «существует резкое различие» (Лосский, 1923: 24). К первой относятся деятельности субъекта, такие как припоминание, внимание, различение и т.п. Объективную сторону знания составляют предмет и содержание. Акт знания «всегда есть нечто психическое», в то время как объективная сторона знания может быть «и материальным бытием» (Лосский, 1923: 24). Формулируемые Лосским гносеологические основания логики не позволяют считать логику зависимой от психологии: если «психология знания изучает субъективную (индивидуально-психическую) сторону знания» (внимание, различение, припоминание и т.п., а также зависимость их от непознавательных психических процессов), то «логика есть теория строения объективной стороны доказательств», и в этом качестве «логика не есть наука, основанная на психологии» (Лосский, 1923: 51 — 52).

Ягодинский И.И. оценивает логику, психологию и гносеологию как смежные науки, которые имеют один и тот же объект изучения — познание, однако «смотрят на него с разных точек зрения. Одна исследует преимущественно механизм познания, другая — одну из функций этого механизма — правильное мышление, третья — самые условия существования последнего». Логика поэтому «должна исследовать также и способы действия этой функции» — формы, в которых «выражается истина, и приемы, которыми эта истина достигается» (Ягодинский, 1909: 36 — 37). Для Ягодинского установить отношения между смежными науками — значит «разграничить их» (Ягодинский, 1909: 23). Поэтому судить об авторской интерпретации отношений логики и

психологии возможно только на основании косвенных текстовых свидетельств. Достаточно подробное представление Ягодинским направлений в современной ему логической науке и в исторической традиции, направленность критики преимущественно на значимость этих направлений свидетельствует о признании автором — как и Поварниным — права на существование и собственное место в научном знании каждого из них (Ягодинский, 1909: 16 — 17). При этом очевидной оказывается невозможность определенного отношения между психологией и столь различно интерпретируемой логикой, кроме отношения независимости науки о правильном мышлении от науки о функциях (процессах — в современной терминологии — Л.С.) познавательной деятельности (что в определенной степени демонстрируется иллюстрацией специфики предметов логики и психологии (Ягодинский, 1909: 24)). Тем не менее, между двумя науками существует, если можно так выразиться, функциональная связь: поскольку «исходным пунктом логики является обычное мышление» (Ягодинский, 1909: 39), а психология стоит «во главе наук о духе», постольку психология является предшествующей по отношению к логике, в силу чего предоставляет логике некоторые из своих методов, в первую очередь, генетический (Ягодинский, 1909: 42), использование которого логика осуществляет самостоятельно.

С.И. Поварнин видит задачу логики в том, чтобы изучить «морфологию знания» (собрать, изучить и классифицировать формы знания, связи между ними; выявить методы получения знания; изучить нормы познающего мышления и область заблуждений) (Поварнин, 1921: 4-5). Два рода задач распределяются Поварниным между логикой и психологией в соответствии с различными видами связей в мышлении: «связь мысли, как части познаваемой реальности, с другими явлениями последней; связь мысли, как части познания, с другими частями последнего. Изучение первого рода связи входит в задачи психологии; изучение второго рода связи является задачей логики» (Поварнин, 1916: 12). Таким образом, вопрос о самостоятельности логики и психологии Поварниным, так же как и Челпановым, Введенским, Лосским, Ягодинским решается однозначно положительно.

Однако то же нельзя утверждать относительно авторской интерпретации зависимости логики от психологии. Сам Поварнин явно не формулирует собственную позицию, однако, имеющиеся текстовые данные позволяют высказать некоторые имеющие право на существование предположения по данной проблеме.

Нуждается ли логика в психологических данных? Не давая прямого ответа на этот вопрос, Поварнин обсуждает наработанные в науке способы решения проблемы отношений логики и других наук, в т.ч. психологии и «логистики» (теории исчислений – Л.С.). Резко отрицательно высказываясь относительно связи логики с логистикой, Поварнин лишь предупреждает о недопустимости перехода «психологической логики» в психологию познания (Сироткина, 2013). Кроме того, первичную задачу логики Поварнин видит в изучении возможных форм знания. Но какая наука призвана предоставить такую информацию? Должна ли осуществить анализ реального мыслительного процесса сама логика, или накопление необходимых эмпирических данных о мышлении относится к сфере его психологических исследований? Этот вопрос не ставится в работах Поварнина, и ответ на него также не обнаруживается в них. Однако можно предполагать, что в этой части логика основывается на психологии, а именно использует ту обширную эмпирическую базу, которая нарабатывается этой наукой.

На рубеже 19 – 20 веков обнаруживаются новые тенденции в решении ключевых проблем философии логики, связанных с уточнением предметов логики и психологии и определением их соотношения в системе философского и, в целом, научного знания.

Существенным изменением в поле рассуждений по вопросу отношений логики и психологии является уточнение их предметных областей:

- с одной стороны, в дискуссиях речь идет не о психологии, а о психологии мышления/знания/познания,
- с другой стороны, конкретизируется и предмет логики: если в трудах конца 19 века выражена тенден-

ция к его значительному расширению в гносеологическом (Троицкий) или психологическом направлении (Грот, Чичерин), то в начале 20 века предмет логики обретает более четкие границы:

Работы 19 века

Троицкий: логика — учение об очевидности (в связи с чем возникают логика психологии, логика геометрии и т.п.)

Грот: предмет логики — познавательная деятельность.

Чичерин: логика исследует мышление.

Работы 20 века

Введенский: логика — наука о правильности и ошибочности мышления.

Челпанов: логика — наука о законах правильного мышления.

Ягодинский: логика исследует правильное мышление.

Лосский: логика — теория строения объективной стороны доказательств.

Поварнин: теоретическая логика — это наука о приемах мышления, с помощью которых осуществляется познание сущего.

В связи с этим существенно изменяется и представление о содержании логической науки. Работы 19 в. изобилуют нелогическими элементами: ощущения, восприятие и даже воображение, способности и творчество, бессознательные процессы, развитие познавательной деятельности в онтогенезе, методология специального знания — все это определяет содержательный «облик» логик Владиславлева, Грота, Троицкого, Чичерина.

В работах более позднего периода четко обозначается тенденция сепарации психологического и собственно логического содержания: из логики устраняются элементы, имеющие явную психологическую «привязку». Таким образом формируется образ логики, предмет которой распространяется на законы и формы мышления (понятия, суждения,

умозаключения), методы и приемы (дедуктивные и недедуктивные, приемы оперирования понятиями, методы проверки суждений), учение о доказательстве.

Таким образом, в трудах, вышедших в свет в начале 20 века, достаточно ясно, по сравнению с предшествующим периодом, обозначается грань между логическими и психологическими направлениями исследований. Концептуально она оформляется в следующих комплексах понятий:

Понятия, конституирующие сходства между логикой и психологией в сфере объекта исследований

Познание

Знание

Мышление

Понятия, конституирующие отличия логики и психологии в области предмета исследований

Истина

Норма, закон

Правильность/ ошибки/
заблуждения

В рассматриваемый период вопрос об отношениях логики и психологии обсуждался в двух аспектах:

- с т.з. формальных связей, определяемых местом этих наук в системе знания,
- с т.з. содержательных отношений, обнаруживающих себя во всевозможных (методологических, содержательных, функциональных и др.) зависимостях логики от психологии и/или психологии от логики, определяющих соотносительную самостоятельность-несамостоятельность их предметов.

Систематические связи логики и психологии в интерпретации российских философов конца 19 – начала 20 в. представлены в трех вариантах.

Рис.3. Систематические связи логики и психологии

Если вопрос интерпретации формальных связей наук был обязательным атрибутом их авторских образов и обсуждался в границах триады «гносеология – логика – психология», то проблема взаимозависимостей как предмет специального анализа ставилась не всеми учеными. Тем не менее, на основании текстовых свидетельств можно осуществить попытку их реконструкции.

В данном аспекте со всей очевидностью просматривается уже обозначенная тенденция: рубеж веков в отечественной философской мысли знаменует своеобразную границу между логикой, зависимой от психологии, и логикой, освобождающейся от ее «оков»¹⁹.

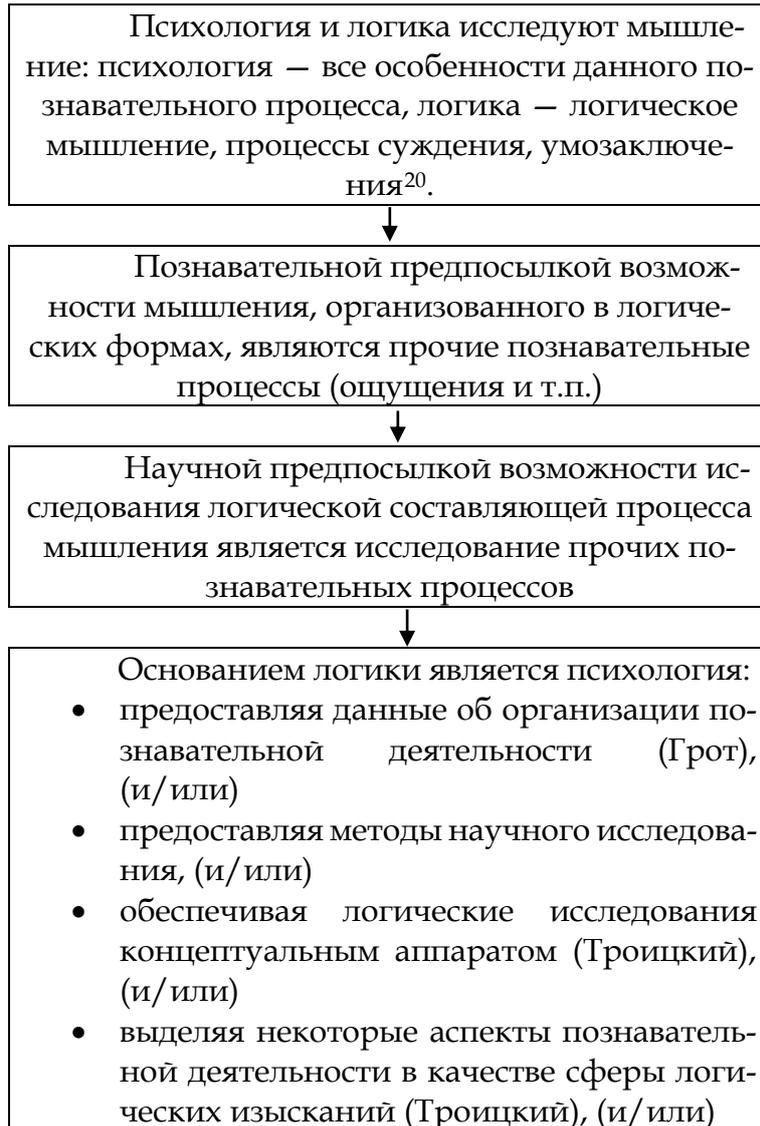
Зависимость логики от психологии в учениях конца 19 в. имела различные формы:

- «Сильная» форма: логика есть часть психологии (Чичерин) или способ приложения психологических учений к определенному кругу объектов (Троицкий).
- «Слабая» форма: положения логики выводимы из психологии (Грот).

В определенном смысле можно говорить о том, что они обуславливаются авторской интерпретацией фактических связей между исследуемыми этими науками процес-

¹⁹ Здесь мы не имеем в виду утрату российской логикой психологической ориентации логических учений.

сами и структурами. Попытка реконструкции аргументации, поддерживавшей образ логики, зависимой от психологии, дает следующую синтетическую (складывающуюся из отдельных авторских представлений и не отражающую их специфические черты) модель:

²⁰ Ряд отечественных специалистов подчеркивает процессуальный компонент данных образований.

- предоставляя эмпирические данные, на области которых логика формирует собственные построения (Чичерин).

Из возможных связей двух наук в работах 19 в. реализованы все, кроме заимствования логикой психологических методов. Напротив, методы логики «обслуживают» исследовательские процедуры психологии²¹. Ситуация существенно изменяется в исследованиях следующих поколений российских философов. Можно сказать, что осмысление отношений между различными сторонами процесса мышления достигает такого уровня, что позволяет обрести самостоятельность соответствующим им направлениям исследований: в работах, вышедших в свет в начале 20 в., не обнаруживаются интерпретации, фиксирующие подчиненный научный статус логики в отношении психологии. Прослеживаются некоторые различия в понимании российскими учеными роли психологии в логическом знании. Условно эти варианты можно представить в двух формах:

- Абсолютная самостоятельность логики и психологии: логика не зависит от психологии ни в одном из возможных аспектов этой связи (Лосский, Введенский, Челпанов, не рассматривает такую связь и Поварнин).
- Самостоятельность наук при сохранении некоторых методологических связей. Соответствующие построения реализуются в представлениях: 1) о заимствовании логикой методов психологии (в первую очередь, генетического — Ягодинский), однако, самостоятельном их использовании в логических исследованиях; 2) об использовании логикой для собственных построений эмпирической базы психологии (Лопатин). Однако и в этом случае исследователями подчеркивается самостоятельность логической науки.

В решении проблемы взаимоотношений двух наук младшим поколением ученых была продолжена методологическая линия, обозначенная Владиславлевым: несмотря

²¹ Владиславлев посвящает отдельный раздел «Психологии» характеристике роли логических методов в психологических исследованиях.

на тот факт, что логика и психология исследуют один объект (мышление), их предметы не пересекаются, и каждая наука имеет собственную «нишу» в системе научного знания.

В учениях выдающихся представителей российской университетской науки конца 19 — начала 20 вв. реализовывались различные модели связей психологии, с одной стороны, и философии и логики²², с другой. С точки зрения зависимостей последних от психологии выделяются три типа таких моделей.

Модель 1: психология в той или иной форме обуславливает и философское, и логическое знание. Признаки данной модели обнаруживаются в работах Троицкого, Грота, Лопатина и — в определенной степени — у Владиславлева.

Модель 2: философия основывается на психологии, а логика от нее не зависит. Подобный подход реализован у Челпанова и — в менее выраженной форме — у Введенского.

Модель 3: ни логика, ни философия не зависят от психологии (Васильев, Поварнин).

В целом, на протяжении рассматриваемого периода со всей очевидностью обнаружилась тенденция к ослаблению связей психологии с различными отраслями философии: если в трудах конца 19 века абсолютно доминирующей является модель 1, то соответствующие связи трех наук в концепциях младшего поколения ученых задаются моделью 3. Важнейшим результатом этого процесса было то обстоятельство, что на рубеже 19 — 20 вв. в университетской науке была проведена четкая демаркационная линия между сферами логических и психологических исследований — событие, подготовившее почву как для развития непсихологически ориентированных учений в логике, так и для создания в 20 в. грандиозной системы отечественной психологии.

²² Независимое друг от друга рассмотрение связей с психологией логики и философии отражает особенности авторских учений, в которых — в контексте анализируемой проблемы — под философией понимаются, в первую очередь, гносеология и/или метафизика.

Литература

- Бажанов, В.А. (2008) 'Первый учитель А.Р. Лурии: Н.А. Васильев как психолог', *Методология и история психологии*, том 3, выпуск 2, с. 69-78.
- Бажанов, В.А. (1995) *Прерванный полёт. История «университетской» философии и логики в России*, М.: Издательство МГУ.
- Васильев, Н.А. (1908) *Лекции по психологии, читанные на Казанских высших женских курсах*, Казань.
- Вундт, В. (1913) 'Психология в борьбе за существование', *Новые идеи в философии*, сб. десятый: *Методы психологии*, II, СПб., с. 93-131.
- Введенский, А.И. (1915) *Логика для гимназий*, Петроград.
- Введенский, А.И. (1917а) *Логика, как часть теории познания*, Третье, вновь переработанное издание, Петроград.
- Введенский, А.И. (1917б) *Психология без всякой метафизики*, Петроград.
- Владиславлев, М.И. (1881) *Психология. Исследование основных явлений душевной жизни*, СПб.
- Владиславлев, М.И. (1872) *Логика. Обзорение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной*, СПб.
- Грот, Н.Я. (1890) 'Жизненные задачи психологии', *Вопросы философии и психологии*, № 4, с. 143-194.
- Грот, Н.Я. (1882) *К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов. Рассуждение Н.Я. Грота*.
- Грот, Н.Я. (2009) 'Основания экспериментальной психологии', *Теоретическая и экспериментальная психология*, том 2, № 4, с. 91-106.

- Грот, Н.Я. (1897) 'Понятия души и психической энергии в психологии', *Вопросы философии и психологии*, кн. 37, 39, с. 239-300, 801-811.
- Кобзарь, В.И. (2002) 'Логика В.И. Владиславлева', Я. (А. Слиннин) и МЫ: к 70-летию профессора Я.А. Слиннина, СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, с. 265-279.
- Лопатин, Л.М. (1903) *Курс психологии*, М.
- Лосский, Н.О. (1912) *Логика профессора А.И. Введенского*, М.
- Лосский, Н.О. (1923) *Логика. Часть 1*, Обелиск.
- Марцинковская, Т.Д. (2001) *История психологии*, М.: Академия.
- Милль, Дж.С. (1869) *Обзор философии сэра Уильяма Гамильтона*, СПб.
- Поварнин, С.И. (1921) *Введение в логику*, Петербург.
- Поварнин, С.И. (1917) *Логика отношений. Ее сущность и значение*, Петроград.
- Поварнин, С.И. (1916) *Общее учение о доказательстве*, Петроград.
- Сироткина, Л.С. (2013) 'Логическое учение С.И. Поварнина в контексте проблемы психологизма-антипсихологизма', *РАЦИО*, № 11, с. 53-74.
- Троицкий, М.М. (1884) *Лекции О.П. М.М. Троицкого. Курс 1883/4 академического года*.
- Троицкий, М.М. (1885) *Учебник логики с подробными указаниями на историю и современное состояние этой науки в России и в других странах*, М.
- Челпанов, Г.И. (1994) *Учебник логики*, М.
- Челпанов, Г.И. (1909) *Психология. Основной курс, читанный в Московском университете в 1908 – 1909 гг.*, М.
- Чичерин, Б. (1894) *Основания логики и метафизики*, М.
- Ягодинский, И.И. (1909) *Генетический метод в логике*, Казань.

Ярошевский, М.Г. (1997) *История психологии. От античности до середины XX века*, М.

Об авторе

Людмила Сергеевна Сироткина – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БФУ им. И. Канта, lyusir.ru@mail.ru.

About author

Dr. Lyudmila S. Sirotkina, Associate Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, lyusir.ru@mail.ru.